

# ЧАЁНОК

ЛЕМИР МАКОВКИН

Есть и всегда будут люди, излучающие свет и тепло. Это свойство их души. Заметное и яркое свойство. Общение с ними приносит радость и вселяет веру, что все у нас будет хорошо. Обязательно будет. Лемир Филиппович Маковкин был как раз таким. Увы, он умер на 88-м году жизни. Остались его книги, остались светлые воспоминания об этом замечательном человеке...



Вот что случилось со мной в шведской столице, прекрасном городе Стокгольме, в Стекольной, как называли его в старину русские люди. Осмотрев экспозицию Северного музея, очень обширную и крайне интересную, я вышел из дверей на улицу и остановился. После хоть и светлых, но все же притененных музейных залов яркое июньское солнышко меня просто ослепило. Музей расположен на острове Дрюгорден, в великолепном парке. Прямо к каменным ступеням величественного портала примыкал цветник. Здесь очень любят цветы, их полно по всему городу, да и по всей стране.

Я постоял немного, привыкая к свету, и двинулся неспешно по гравейной дорожке мимо цветника. Но не успел я сделать и нескольких шагов, как на меня ополчились вдруг за что-то здешние чайки. Их в Стокгольме великое множество, больше, чем у нас голубей, не говоря уже о питерских наших чайках, которых и на Неве не очень-то изобильно.

Так вот, навалились на меня эти стокгольмские чайки, прямо-таки агрессоры какие-то: кричат, пикируют, прямо в темя клонуть норовят. Слетаются к ним и другие, их становится все больше... «Чем это я им не потрафил? — думаю. — Угостить их что ли чем-нибудь? Да нет у меня с собой ничего съестного. Что же им от меня надо?»

И тут взгляд мой упал на цветник. А там какое-то шевеление. Из-за кустика выкатывается ежик. Да нет, не ежик это вовсе, хоть и размером с него, и тоже — шарик, только не колючий, а пушистый. И у шарика этого желто-серо-неопределенного цвета видна головка с клювиком и круглыми, шустрыми глазенками, и лапки, и крыльшки еще без перьев. Вот оно что! Это их, чайчий, птенец! Как его называть-то? У гуся — гусенок, у орла — орленок. У курицы... У курицы-то как раз и не куренок — цыпленок почему-то... А у чайки? Не знаю, пусть будет чаёнок.

И вот идет себе этот самый чаёнок спокойно пешком, не торопится. Из гнезда что ли выпал? Почему в одиночестве-то гуляет? Летать, понятно, еще не может — не на чем: на одном пуху, без перьев, не полетишь. Только почему же это я сказал, что он «в одиночестве»? Его вон какая воздушная армия па-

трулирует, чуть меня не склевали, опасаясь, как бы я их малыша не забрал. А что, ведь и впрямь грозят чаёнку всяческие беды. Кошка ли случайная его приметит или собака, а то и двуногий какой забалдевший «хищник» камнем запустит...

Я решительно повернул обратно в музей. Там контролер — дама очень дружелюбная, я с ней успел уже о нашем Питере минут пять поболтать. Прихожу и рассказываю, что и как. Прошу ее прийти на помощь, позвонить куда-то, сам не знаю куда, в зоопарк что ли, чтобы приехали и взяли этого одинокого чаёнка, а не то пропадет бедняга, жалко...

Выслушала шведка мой сбивчивый рассказ и сказала:

— Не беспокойтесь, он уже вторую неделю в этом цветнике гуляет. Никто его здесь не тронет, не водится у нас такого.

— А как же он кормится? — поинтересовался я.

— Родители ему еду носят. То рыбку притащат, то кусок какой, на свалке прихваченный. И мы его подкармливаем. Ничего, вырастет и улетит.

Я успокоился и снова вышел на улицу. Где же чаёнок-то? Ага, вон он, нашел что-то под кустиком, землю клювиком ковыряет. А родичи его опять в атаку на меня пошли, никак не доверяют. Ладно, ладно, горластые, ужогу, ужогу, успокойтесь, не трону я ваше сокровище!

Отошел я подальше, остановился и смотрю. Утихомирились чайки, и начался обряд кормления. Малыш только клювик разевает, а ему папа с мамой прямо с лёта туда что-то кидают.

От солнышка, от свежей зелени, от сдобренного цветочными ароматами соленого морского воздуха, от чаёнка этого пушистого так у меня на душе стало тепло и покойно. Живи, шведский чаёнок, вырастай, становись на крыло! Посмотри, сколько кораблей вокруг, и моторных, и парусных. Тоже белыми чайками скользят по синей глади. А как выучишься летать, пристраивайся к какому-нибудь кораблю, что идет в мои края. Знаешь, как славно парить в обтекающих его струях воздуха. Совсем можно крыльями не шевелить — несет тебя упругий воздух. И с гольда не пропадешь: всегда с корабля что-нибудь тебе и бросят. Так и долетишь до устья Невы. Прилетай, может, еще и увидимся... ❀